

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ МИРЕ

«Повесть о великом мире» («Тайхэйки»), одно из крупнейших произведений в жанре «воинских повествований» (*гунки*), создано в конце XIV столетия, когда в Японии близилась к концу «эпоха Южной и Северной династий» и уже более 40 лет «не затухали боевые костры». Слепые сказители под аккомпанемент струнных инструментов бива рассказывали о былых сражениях, а писцы в буддийских монастырских скрипториях записывали их сказания, циклизовали их, обрабатывали в буддийском и конфуцианском духе, присовокупляли к этим сказаниям упоминания о прецедентах из китайской и японской истории и придавали своим творениям вид цельных литературных произведений.

В целом памятник состоит из 40 свитков. В переводе на русский язык впервые он публиковался именно в альманахе «Петербургское востоковедение»: перевод первого свитка — во 2-м выпуске, перевод второго свитка — в 9-м выпуске. В данном выпуске публикуется полный перевод третьего свитка «Повести о великом мире».

Книга третья

1. Об августейшем сне государя и о Кусуноки

В двадцать седьмой день восьмой луны первого года эры Гэнкō¹ государь предпринял выезд в Касаги² и имел августейшее пребывание в главном павильоне³. Сначала, в течение одного или двух дней, из страха перед властью воинов ни один человек не приходил, чтобы служить ему, но после того, как прошел слух, что в сражении у восточного подножия Эйдзан⁴ силы Рокухара⁵ были разбиты, туда собрались все, начиная от монахов этого храма и кончая воинами из ближайших провинций, которые прискакали отовсюду. Однако к государю не прибыл ни один *дайме*⁶, у которого было сто или двести всадников.

«Как можно одними только этими силами охранять местопребывание императора?» — подумал государь с тревогой, ненадолго забылся и во сне увидел место, которое было как будто садиком перед дворцом Сисиндэн⁷. Там было большое вечнозеленое дерево⁸. Отбрасывая густую тень, зеленые ветви его особенно буйно простирались к югу. Под ним, расположившись в соответствии со своими рангами, рядами сидели трое вельмож⁹ и множество чиновников. На обращенном к югу сиденье с высоко положенными одна

на другую циновками не сидел никто¹⁰. В порыве чувств государь во сне удивился и, подумав: «Для кого это место оставлено?» — изволил встать. И тут внезапно пришли два мальчика с прическами *биндзора*¹¹, преклонили перед государем колени и слезами оросили себе рукава:

— Под небом нет такого места, где государь, хоть ненадолго, мог бы спрятаться. Но в тени вон того дерева имеется сиденье, обращенное к югу. Это яшмовый трон для вас, поэтому сядьте в него на некоторое время.

Августейший увидел, как мальчики, произнеся это, вознеслись на далекое небо, и скоро пробудился ото сна.

Государь изволил подумать, что при помощи этого сна ему вещает Небо. Если же судить по написанию знаков, то, расположив рядом знаки *ки*, дерево, и *минами*, юг, мы получаем иероглиф *кусуноки*, камфарное дерево. Когда двое мальчиков сказали, чтобы я сел в его тени, обратясь на юг, они сообщили мне указание бодхисаттв Солнечного Света, Никкō, и Лунного Света, Гаккō, вторично овладеть добродетелями того, кто обращен к югу¹² и управляет мужами Поднебесной. Так августейший сам истолковал свой сон, и стало ему радостно.

Когда рассвело, государь позвал к себе монаха той обители, наставника в монашеской дисциплине Дзѣдзюбō и спросил его:

— Видимо, в этих местах есть воин, которого зовут Кусуноки?

Монах отвечал государю:

— До сих пор здесь не было слышно, что поблизости есть человек с таким именем. В провинции Кавати, к западу от горы Конгō живет человек по имени Кусуноки Тамон Хѣэ Масасигэ, который прославился как обладатель лука и стрел. Передают, что он из отпрысков князя Татибана-но Морозэ, левого министра Идэ, потомка императора Битацу¹³, в четвертом колене, которые много лет живут среди простых людей.

Говорят, что его матушка, когда она была молодой, совершила стодневное паломничество к Бисямону из Сиги¹⁴, и там во сне ей было сказано, что у нее родится ребенок, а поэтому детское его имя — Тамон¹⁵.

«В таком случае, — подумал государь, — сегодняшней сон был о нем».

— Сейчас же позвать его, — повелел он, и вельможный Фудзифуса¹⁶, получив высочайшее повеление, спешно вызвал Кусуноки Масасигэ.

Когда посланец государя с приказом августейшего прибыл в дом Кусуноки и передал подробности этого дела, Масасигэ подумал: «Что может быть выше этой чести для обладателя лука и стрел?!» — и, много не размышляя, сразу же тайком отправился в Касаги.

Государь через среднего советника Мадэнокōдзи, вельможного Фудзифуса, благоволил молвить ему:

— Императорский посланец был отправлен потому, что государь полагает, что покорение восточных варваров¹⁷ Масасигэ по силам. Государь глубоко удовлетворен тем, что вы прибыли не теряя времени. Прежде всего, исчерпывающе доложите свое мнение о том, что в Поднебесной самое важное и какой план вы держите относительно него, как можно быстро одержать победу и достичь умиротворения Четырех морей¹⁸.

Таково было решение императора, и Масасигэ почтительно отвечал:

— В последние дни восточные варвары своими великими преступлениями навлекли на себя недовольство Неба. Кроме того, они ослаблены беспорядками и дошли до того, что их настигнет небесная кара. Какие же еще нужны причины? Однако успехи в Поднебесной сводятся к двум началам: военной хитрости и умному плану. Если сражаться, столкнув между собою две силы, то, даже если мы соберем воинов из шестидесяти с лишним провинций¹⁹, против двух, Мусаси и Сагами²⁰, одержать победу будет трудно. Если же мы будем сражаться в соответствии с планом, нас это не должно смущать и бояться нам будет нечего, ибо восточные варвары своей военной силой сделать не могут ничего, кроме как ударить по острому и разбить крепкое. Поскольку у воинов существует обычай так вести сражение, государю не обязательно наблюдать за исходом одной-единственной битвы. Покуда августейший слышит, что еще жив лишь один Масасигэ, пусть он считает, что для государя удача открыта.

Так сказал Масасигэ многообещающе и возвратился в Кавати.

Примечания

¹ 27-й день 8-й луны 1-го года эры Гэнкō — 29 сентября 1331 г.

² Касаги — гора в префектуре Киото, на которой расположен одноименный сингон-буддийский храм.

³ Главный павильон — *хондō*, строение, где помещены главные святыни храма.

⁴ Эйдзан — то же, что Хиэйдзан: гора к северу от столицы. На ее вершине раскинулся монастырский комплекс Энрякудзи.

⁵ Силы Рокухара — сёгунские войска.

⁶ *Даймэ* — крупный феодал.

⁷ Сисиндэн — главный павильон императорского дворца в столице.

⁸ Там было... дерево. — В действительности перед павильоном Сисиндэн росло два дерева — сакура и мандариновое дерево. Император же, судя по описанию, видел только последнее из них.

⁹ Трое вельмож — согласно средневековой китайской традиции, это первый министр, левый и правый министры.

¹⁰ На обращенном к югу сиденье... — Во время официальных церемоний лицом к югу должен был сидеть император.

- ¹¹ *Биндзора* — название детской прически. Волосы расчесывались на прямой пробор и завязывались слева и справа.
- ¹² Тот, кто обращен к югу — император.
- ¹³ *Битацу* — по традиции считается 30-м императором Японии. На троне в 572—585 гг.
- ¹⁴ *Бисямон* (санскр. Вайшраваня, Всеслышащий) — в буддизме один из четырех небесных королей, стерегущий северное направление вселенной и сокровища. В Японии один из семи богов счастья. Его культу посвящен храм Тёго-сан на горе Сиги.
- ¹⁵ *Тамон* — другое японское имя Бисямона.
- ¹⁶ *Фудзифуса* — Фудзивара (Мадэнокōдзи)-но Фудзифуса (род. в 1295 г.?), сторонник императора Годайго, был средним советником и главой Сыскного ведомства, сопровождал императора в Касаги, после так называемой реставрации годов Кэмму вместе с ним возвратился в столицу. В 1335 г. принял монашеский постриг в буддийском храме Китаяма.
- ¹⁷ *Восточные варвары* — зд.: сёгунские власти.
- ¹⁸ *Поднебесная, Четыре моря* — зд.: Япония.
- ¹⁹ *Шестьдесят с лишним провинций* — вся Япония; иначе — 66.
- ²⁰ *Мусаси и Сагами* — две провинции на крайнем востоке страны.

2. О битве при Касаги и о ночном нападении Суяма и Комияма

Между тем когда в Киото слышали, что за государем во время его пребывания в Касаги последовали войска из ближних провинций, там возникло опасение, что против Рокухара¹ могут двинуть свои силы и монахи из Горных Ворот². Собрав вместе силы из провинции Ёми, их направили в Ёцу к Сасаки-хōган Токинобу. Когда же сказали, что этих сил мало, к ним добавили восемьсот с лишним всадников, принадлежавших семьям Кугэ и Нагасава, жителей провинции Тамба, и они расположились лагерем к востоку и западу от почтовой станции Ёцу.

В первый день девятой луны оба военных инспектора из Рокухара, Касуя-но Сабурō Мунэаки и Суда-но Дзирō Саэмон, с пятьюстами всадниками направились в монастырь Бёдоин, что в Удзи, отметить прибытие туда воинских сил.

Не дожидаясь напоминаний, днем и ночью без перерыва прибывали воинские силы из разных провинций, и число всадников превысило сто тысяч человек. Они решили, что уже завтра, второго числа, в час Змеи³ должны будут вступить в бой. А накануне Такахаси Матасирō выбрался из лагеря и, решив добыть славу для себя одного, собрал триста с лишним всадников из одних только своих сородичей и направил их к подножию горы Касаги.

Говорят, что правительственных войск в крепости было не так много, но дух отваги в них был еще крепок. Это были люди, которые считали, что возьмут в свои руки рычаги управления Поднебесной и явят силы, вращающие Небо. Поэтому, видя перед собою

Памятники культуры Востока

ничтожно малые силы противника, как могли они удержаться и не ударить по этим силам?! Более трех тысяч всадников спустились с горы на берег реки Кидзугава⁴, окружили отряд Такахаси и все до одного начали беспощадно сражаться. Такахаси же позабыл свой первоначальный пыл и, увидев большие силы соперника, повернул назад, был обстрелян и отступил, ни разу не оглянувшись. Множество его людей было загнано в бурные воды реки Кидзугава и обстреляно там. Спаслись лишь немногие. Потеряв коней, побросав доспехи, они остались нагишом и при свете белого дня бежали в столицу.

Зрелище было непереносимым. Некий человек плохо об этом подумал. Возле спуска с моста у монастыря Бёдоин он написал такое стихотворение:

Стремительны
Волны в стремнинах
Реки Кидзугава.
Мгновенно обрушился в них
Высокий тот Мост⁵.

Заслышав о срочном выступлении Такахаси, следом за ним сейчас же выступил Кобаякава, который решил добыть себе славу вместо Такахаси, если тот отступит. Говорят, что воинов его отряда преследовали тогда же, так что они без оглядки бежали до самого Удзи. Поэтому вдобавок к первой дощечке прикрепили еще одну:

Не в силах держаться
Свалился Высокий тот Мост.
А Быстрая Речка
Бесчестье несет
В бегущие воды⁶.

«Едва только станет известно, что во вчерашнем сражении верные двору войска одержали победу, прискачут отряды из провинций, и тогда появятся трудности. Времени терять нельзя» — с такими мыслями оба военных инспектора разделили войска, расположившиеся под Удзи, на четыре группы и во второй день девятой луны направили их на замок Касаги.

В южную группу направили воинов пяти провинций Гокинай⁷. В этой группе было больше семи тысяч шестисот всадников, они окружили гору Кōмё сзади и направились в тыл к замку. В восточную группу направили воинов из провинций Ига, Исэ, Овари, Микава и Тōтōми, которые входят в пятнадцать провинций Тōкайдō⁸. Они были силою более двадцати пяти тысяч всадников и по дороге Ига направлялись, чтобы преодолеть горы Конгōсан. В северной группе были воины из восьми провинций Санъиндō⁹. Свыше двенадцати тысяч всадников направлялись от почтовой станции

Насима¹⁰, чтобы окружить подножие горы Итинобэ и атаковать замок с фронта. В западную группу были направлены воины из восьми провинций Санъёдо¹¹. Их силы численностью более тридцати двух тысяч всадников, поднявшихся вверх по Кидзугава, наступали по крутому берегу, разделившись надвое. В общей сложности с фронта и с тыла больше семидесяти пяти тысяч всадников заполнили на глубину в два-три ри с четырех сторон все пространство вокруг горы Касаги так, что не оставалось свободной ни одной пяди земли.

Третьего числа девятой луны, в час Зайца¹² войска, наступающие с востока, запада, юга и севера стали сближаться друг с другом. Голоса воинов гремели словно сотни и тысячи раскатов грома и двигали Землю и Небо. Троекратно издав воинский клич¹³, нападающие выпустили встречные стрелы с гудящими наконечниками¹⁴, однако в замке было тихо, ответных кличей не было слышно и встречные стрелы оттуда не летели.

Этот замок под названием Касаги стоял на высокой горе. Одна сторона горы была покрыта белыми облаками. В ущельях позелевшие камни загромождали дорогу на протяжении десятков тысяч *дзин*¹⁵. На восемнадцать *те*¹⁶ поднимались ввысь извилистые дороги. Рвы были сооружены из затесанных скал, стены выложены камнями. Поэтому хотя людей, державших оборону, и не было, подниматься вверх было нелегко. Подумав, что раз в замке не раздастся ни звука и все спокойно, не видно ни одного человека, значит, противник бежал, нападавшие со всех четырех сторон семьдесят пять с лишним тысяч всадников преодолели рвы и, цепляясь за побеги лиан, поднялись на вершину скалы, оказавшись у деревянных ворот перед павильоном Двух Королей.

Немного передохнув здесь, нападающие, конечно, подняли глаза вверх, заглянули внутрь замка и увидели, как при свете яркого солнца сверкает парчовое знамя государя с солнцем и луной из золота и серебра на нем. Под его сенью плечом к плечу, безо всякого просвета, выстроились сверкающие звездами наверший шлемов более трех тысяч воинов, одетых в доспехи. Их ряды были подобны облакам и туману. Кроме них, на башнях и в тени бойниц находились те, кого принимали за лучников, они увлажняли ртами тетивы своих луков, ослабляли шнуры у колчанов, а в наконечники стрел втирали жир с ноздрей. Силы эти были настроены решительно, нельзя было опрометчиво нападать на них.

Более десятка тысяч всадников, осаждавших замок¹⁷, пребывали в растерянности, не решаясь ни наступать, ни отходить.

Чуть погодя, в башне над воротами замка откинулась доска, закрывавшая бойницу, и послышалось *название имени*:

— Я Асукэ Дзирō Сигэнори, житель провинции Микава, всемилостивейше призван Владыкой Поднебесной и охраняю в замке

эти ворота. Не ошибаюсь ли я, что знамена наступающих отрядов — это знамена людей из провинций Мино и Овари? Здесь замок, где имеет пребывание обладатель десяти видов благих деяний¹⁸, поэтому я ожидал, что против замка двинутся господа из Рокухара¹⁹. Чтобы к этому подготовиться, я припас немного стрел с наконечниками работы кузнецов из Ямато²⁰. Извольте получить одну из них!

С этими словами он до предела натянул тетиву лука, которую обычно натягивали трое, со стрелой длиной в тринадцать ладоней и три пальца²¹, не спеша прицелился и выстрелил. Его стрела перелетела через долину и, пробив пластину в доспехах, глубоко, по самое древко, вонзилась в правый бок Араи Курō, который спокойно сидел на коне на расстоянии больше двух *тё* от стрелка. Хотя и считается, что это была простая стрела, но цель для нее была выбрана удачно, поэтому Араи тотчас же рухнул с коня и сразу умер.

Его младший брат Ягорō, встал лицом к противнику, укрывшись от него так, чтобы тот не увидел его, чуть высунулся из-за края щита и прокричал насмешливо:

— Мощь лука господина Асукэ не настолько велика, как я считал прежде! Благоволите выстрелить сюда! Проверим при помощи вашей стрелы стыки моих доспехов!²² — И стоял, похлопывая себя по набрюшнику.

Услышав его слова, Асукэ подумал: «Судя по тому, что говорит этот человек, у него под доспехами наверняка надеты безрукавка или кольчуга. Увидев мою первую стрелу, он хлопает себя по груди со словами "стреляй сюда!". Если попасть в верхнюю часть доспехов, древко стрелы сломается, а наконечник рассыплется. А если угодить стрелой в забрало шлема — отчего бы ей и не разбить забрало и не пройти насквозь?!»

Потом Асукэ достал из колчана стрелу с металлическим наконечником, провел по ней носовым жиром и произнес:

— Ну, тогда одну стрелу пошлю. Попробуй-ка, получи ее!

Он несколько ослабил на себе доспехи, тетиву со стрелой длиною в тринадцать ладоней и три пальца оттянул пуще прежнего, до самого упора, и выстрелил. Стрела не отклонилась от намеченной цели, разбила забрало у шлема Араи Ягорō в двух *сунах*²³ выше его металлического края и, угодив как раз посередине между бровями, вонзилась туда. Не сказав и двух слов, оба брата мертвыми легли на одну подушку.

Это было началом сражения. Нападающие с фронта и с тыла, люди внутри замка, издавая вопли и крики, отчаянно сражались. Звон стрел и голоса людей не прекращались ни на мгновение. Казалось, это большие горы рушатся и тонут в море, что земная ось ломается и разом погружается в недра Земли.

Когда опустились вечерние сумерки, многими рядами нападающие устремились в сторону ворот, выставив перед собой щиты,

однако здесь был монах секты рицу по имени Хондзэббō, человек огромной силы, который принес с собой из храма Ханьядзи, что в Южной столице, список буддийских сутр. Он связал за спиной рукава своего монашеского облачения и, легко сжав в руках большие обломки скалы, которые трудно было сдвинуть с места даже сотне обычных людей, словно мячи, метнул их один за другим штук двадцать или тридцать. Ими монах не только вдребезги разбивал щиты десятков тысяч нападающих. Люди, которых эти камни задевали хотя бы слегка, падали навзничь.

На восточных и западных склонах людскую лавину смелō, сверху на нее падали и падали кони и люди. Долины были очень глубоки, но они обе были заполнены мертвыми телами. И даже после того, как сражение закончилось, река Кидзугава текла кровью, ее воды своим темно-красным цветом не отличались от тех, по которым плывут сплошным потоком багряные листья клена. Несмотря на то, что нападающие были подобны облакам и туману, никто не пытался идти приступом на замок. Замку угрожали только издали, окружив его со всех четырех сторон.

Так шли дни за днями. В одиннадцатый день той же луны из провинции Кавата прискакал срочный гонец. Он доложил:

— Человек по имени Кусуноки-хээ Масасигэ принял сторону двора и поднял знамя. Те из его соседей, которые сочувствуют Масасигэ, примкнули к нему, а те, которые не сочувствуют ему, бежали и укрылись на востоке и на западе. Простому народу своей провинции он выставил требование поставлять его воинам провизию и построил на горе Акасака, что возвышается над его резиденцией, укрепление и укрылся в нем со своими силами численностью в пятьсот всадников. Если промедлить с его усмирением, могут возникнуть трудности. Нужно срочно направить против него войско.

В Рокухара зашумели, посчитав это дело серьезным.

Кроме того, к вечеру тринадцатого дня той же луны прибыл срочный гонец из провинции Бинго, который передал:

— Вступивший на Путь Сакураяма Сирō со своими сородичами принял сторону двора и поднял знамя. Своим укреплением он сделал главное святилище провинции²⁴. К нему примкнули некоторые мятежники из соседних провинций, так что силы его составляют уже более семисот всадников, и он собирается захватить всю провинцию и после этого ударить по другим провинциям. Думаю, что нужно срочно, превратив ночь в день, направить воинов против него, иначе дело может стать серьезным. Небрежность недопустима.

Сначала укрепился замок Касаги, и он до сих пор не пал, хотя крупные силы из провинций штурмовали его днем и ночью. Потом каждый день стали прибывать гонцы с докладами о том, что следом за ним поднялись мятежники Кусуноки и Сакураяма. Уже принесли смуту дикари с юга и варвары с запада²⁵. «Кто знает, как

поведут себя восточные варвары и северные дикари?» — так думал владетель провинции Суруга, управляющий северной частью Рокухара, и не было на душе у него покоя. Поэтому он каждый день отправлял срочных верховых на восток²⁶, прося прислать воинские силы.

Сильно встревоженный вступивший на Путь владетель Сагами²⁷ созвал шестьдесят три человека своих родственников и главных васалов из других домов и сказал им:

— В таком случае, скоро посылаем карательную экспедицию!

Командующими были Осараги Саданао — владетель провинции Муцу, Осараги — владетель провинции Тōтōми, Фуондзи — владетель провинции Сагами, Масуда — владетель провинции Этидзэн, Сакурада — владетель провинции Микава, Акахаси — владетель провинции Овари, Эма — владетель провинции Этидзэн, глава Левых придворных конюшен Итода, Ида — помощник начальника уезда Хёго, Сакаи — губернатор провинции Кадзуса, помощник главы Правых придворных конюшен Нагоя, помощник главы Правых придворных конюшен Канадзава, Тōтōми-но *сакон-тайфу-сёгэн* Харутоки²⁸, старший помощник главы Ведомства гражданской администрации Асикага Такаудзи²⁹; командиром отряда — помощник командиралевой дворцовой охраны Нагасаки Сирō; помощниками командира — вступивший на Путь Миура-но Сукэ, помощник командиралевой дворцовой охраны Такэда Каи-но Дзирō, вступивший на Путь Юки Кōдзукэ, вступивший на Путь Ояма Дэва, Удзиэ — владетель провинции Мимасака, вступивший на Путь Сатакэ Кадзуса, вступивший на Путь Наганума Сирō излевой дворцовой охраны, Цутия — помощник владетеля провинции Аки, Насу — помощник владетеля провинции Кага, помощник командиралевой дворцовой охраны Кадзихара Кōдзукэ-но Тарō, вступивший на Путь Ивая Дзирō, Сано-но Ава-но Ятарō, помощник командиралевой дворцовой охраны Кимура Сирō, Сōма Дзирō из Правой дворцовой охраны, Намбу Сабурō Дзирō, Мори — прежний губернатор провинции Танго, Наба — *сакон-тайфу-сёгэн*, Игусэ — *тайфу* из Ведомства народных дел, Тохи — прежний губернатор провинции Садо, Уцуномия — помощник владетеля провинции Хиго, помощник главы Воинского ведомства Касаи-но Сабурō, Сангō-но Ясирō, Кōдзукэ-но Ситирō Сабурō, Оути — прежний губернатор провинции Ямасиро, младший помощник главы Ведомства гражданской администрации Нагаи, Нагаи Бидзэн-но Тарō, вступивший на Путь старший помощник главы Народного ведомства Нагаи Инаба, прежний губернатор провинции Этиго, вступивший на Путь Симоцуса, *тайфу* излевой дворцовой охраны Ямасиро, вступивший на Путь Уцуномия Минō, помощник командиралевой дворцовой охраны Ямадзаки Дансё, Кōку Дōсон Хикосабурō, вступивший на Путь Датэ, вступивший на Путь старший помощник Ведомства юстиции Таму-

ра, семья Ириэ Камбара, обе партии Ёкояма Иномата; кроме того, там были военные силы из пяти провинций: Мусаси, Сагами, Идзу, Суруга и Кōдзукэ, а всего более двухсот семи тысяч шестисот всадников в двадцатый день девятой луны были отправлены из Камакура и в последний день той же луны их передовые отряды достигли провинций Мино и Овари, арьергардные же находились еще на вершинах Такаси и Футамура³⁰.

Суяма Тōдзō Ёситака, житель провинции Биттjō, и некий Комияма Дзирō, повинувшись требованиям Рокухара, присоединились к числу нападающих на замок Касаги и встали лагерем на берегу реки, но когда они услышали, что крупные силы из восточных провинций уже прибыли в Оми, они собрали своих соплеменников и молодых сподвижников и сказали им так:

— Каково будет ваше мнение? Нет числа тем тысячам и десяткам тысяч воинов, которые побиты камнями или погибли, пораженные дальними стрелами, в этих многодневных сражениях. Все они умерли, так и не свершив выдающихся деяний, поэтому тела их еще не высохли, а имена уже забыты. Мы с вами одинаково смертны, но если мы все разом погибнем в бою, отважно сражаясь, мы на тысячу лет оставим свои славные имена, а воздаяние расцветет в домах наших потомков. Если хорошенько подумать о тех людях, слава о которых, как о людях большой твердости, высоко вознеслась в древности и современности со времен мятежа дома Тайра³¹, они совсем не заслуживают такой чести. Во время битвы при Итинотани³² первыми ворвались в расположение противника Кумагаэ и Хираяма³³, потому что они полагались на большие силы в тылу. Кадзивара Хэйдзō выступил дважды, чтобы выручить Гэнта³⁴. То, что Сасаки Сабурō³⁵ переправился через бухту Фудзито, было заслугой его проводника, Сасаки Сирō Такацуна первым переправился через реку Удзи благодаря своему коню Икэдзуки³⁶. Но в нынешнем мире даже и о них передают, имена их остались на устах людей в Поднебесной.

Так он сказал, и пятьдесят с лишним его сородичей и молодых сподвижников согласились с ним:

— Это будет лучше всего!

Решив, что живым вряд ли вернется назад один из тысячи, все заранее приготовились к смерти и прикрепили к себе мандалы³⁷. Сложив вдвое поводки уздечек длиною в десять дзэ³⁸ и связав их так, что получилось по одному сяку³⁹, к их концам воины привязали медвежьи лапы⁴⁰. Теперь появилась возможность подниматься на скалы и камни, так что нападающие решили использовать эти поводки для того, чтобы подниматься вверх, цепляясь медвежьими лапами за ветви деревьев и за скалы.

Это была ночь последнего дня девятой луны, поэтому она была темной, хоть глаз коли; дождь и ветер были такими жестокими, что не было опасности кого-нибудь встретить. Пятьдесят с лишним

человек с большими мечами за спиной, втыкая малые мечи позади себя, поднимались на каменную стену с северной стороны замка, что возвышается на несколько сот *дзё*, где и птицам пролетать трудно.

И вот, поднявшись только на высоту в два *тё*, воины обнаружили еще более высокое место. Там громоздились скалы наподобие стоящих складных ширм, старые сосны свешивали вниз ветви, дорога была скользкой от зеленого мха. Добравшись до этого места, все призадумались: как тут быть? Остановились и посмотрели далеко вверх. Суяма Тодзё, легко поднимаясь на скалы, набрасывал свою веревку на ветки деревьев, которые росли выше, и спускался с верхушек скал, а каждый из воинов, следовавших по его стопам, хватался за нее, и все они легко преодолевали даже самые трудные места. Оттуда вверх не было отвесных скал, поэтому некоторые держались за корни лиан, некоторые же на цыпочках передвигались по мху, и всего через четыре часа трудного пути добрались до самого гребня стены.

Немного отдохнув там, все перебрались через стену и, следя за тем, как ночные стражи ходят по кругу, в первую очередь стали наблюдать, что происходит внутри замка.

Главные ворота, обращенные к западному склону горы, обороняли более тысячи верховых воинов из провинций Ига и Исэ. Задние ворота — восточный проход в стене — обороняли силы в пятьсот с лишним всадников из провинций Ямато и Кавати. На южном склоне, перед павильоном Ниёдō, оборону держали силы в семьсот с лишним всадников из провинций Идзуми и Кии. Полагались ли защитники замка на отвесные скалы с северной стороны? Воинов охраны здесь не было ни одного, только два или три человека из низкоранговых, которые никакого отношения к сражению не имели. Они расстелили под башней рогожи, раздули угли в металлической жаровне и легли спать.

Суяма и Комияма обошли замок кругом и быстро осмотрели лагерь противника со всех четырех сторон. Задавшись вопросом, где же находится император, они направились к главному павильону, и там их услышал кто-то из штаба.

— Удивительно, как много людей крадучись проходят мимо нас среди ночи. Что вы за люди?! — спросил он, и Суяма-но Ёсичугу тут же ответил:

— Мы из войска провинции Ямато. Нынче ночью чересчур свирепствует дождь с ветром, и пока столь беспокойно, мы совершаем ночной обход, чтобы на нас не совершили ночное нападение и не проникли сюда скрытно.

— Действительно! — послышалось замечание, и больше вопросов не было.

После этого они уже особенно не таились и громко окликали осажденных:

— Эй, во всех станах! Быть начеку! — И преспокойно заглянув в главный павильон, решили, что здесь — место пребывания государя: во многих местах горят свечи, чуть слышен звон колокольчиков.

На просторной галерее прислуживали человека три-четыре в надлежащих одеяниях и головных уборах. Они спрашивали воинов охраны:

— Кто вы?

Воины, выстроившиеся в ряд в изогнутом дугой коридоре, в ответ называли себя:

— Мы такие-то из такой-то провинции!

Когда Суяма и его люди высмотрели все, вплоть до места пребывания императора, и решили, что этого довольно, они совершили благодарственное поклонение местному божеству⁴¹, потом, поднявшись на вершину, которая возвышается над главным павильоном, в пустующей монашеской келье зажгли огонь и в один голос издали воинственный клич.

Нападавшие на замок со всех четырех сторон, услышав этот клич, решили: «Это мятежники вышли из замка и зажгли огонь. Надо соединить наш боевой клич с их кличем!» — и голоса семидесяти с лишним тысяч всадников, осадивших главные ворота и задние ворота, слились в единый мощный вопль. Этот вопль отозвался на Небе и на Земле, он был таким, что мог разрушить восемьдесят тысяч *йоджан*⁴² горы Сумэру⁴³.

Теперь пятьдесят с лишним воинов Суяма все подробно вывели внутри замка. Они зажгли огонь у здания управления и там издали воинственный клич; улучив момент, зажгли огонь у башни и, обегая по очереди все четыре угла и восемь сторон замка, на своем пути издавали такой шум, словно замок переполнен военными силами нападающих.

Правительственные войска, державшие оборону, видимо подумали, что в замок проникли большие силы противника. Сбросив с себя доспехи, люди бежали, в спешке побросав луки и стрелы, не разбирая ни круч, ни рвов, падая и опрокидываясь.

Увидев это, чиновник резиденции экс-императора Нисигори воскликнул:

— Что за гадкое поведение! Похоже, что люди, на которых угодно было положиться государю, совершившему десять благих деяний, те, которые способны стать врагами воинских домов, бросились бежать без боя, посчитав, что силы врага чересчур велики. Для чего же нам жалеть наши жизни?!

Он бросался и бросался на врага, по пояс обнажился и когда выпустил все свои стрелы и сломал меч, вместе со своим сыном и тринадцатью вассалами все разрезали себе животы. Они вместе замертво упали на одну подушку.

Примечания

- ¹ Рокухара — зд.: сёгунская управа в Киото.
- ² Горные Ворота — монастырский комплекс Энрякудзи.
- ³ Час Змеи — время от 9 до 11 часов утра.
- ⁴ Кидзугава — река, протекающая возле горы Касаги.
- ⁵ Высокий тот Мост. — Фамилия Такахаси означает букв.: Высокий Мост.
- ⁶ Быстрая речка. — Кобаякава означает букв.: Быстрая Речка.
- ⁷ Гокинай (Пять Внутренних провинций) — общее название для ближайших к столице пяти провинций: Ямасиро, Ямато, Коти, Идзуми и Сэтцу.
- ⁸ Тōкайдō (Дорога у Восточного моря) — общее название пятнадцати восточных провинций: Ига, Исэ, Сима, Овари, Микава, Тōтōми, Суруга, Каи, Идзу, Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса и Хитати.
- ⁹ Санъиндō (Дорога в тени гор) — общее название восьми провинций на юго-западе о. Хонсю: Тамба, Танго, Тадзима, Инаба, Хōки, Идзумо, Ивами и Ōки.
- ¹⁰ Насима — почтовая станция в окрестностях столицы.
- ¹¹ Санъёдō (Дорога, открытая к горам) — еще одна область из восьми провинций на юго-западе о. Хонсю: Харима, Мимасака, Бидзэн, Биттjō, Бинго, Аки, Суō и Нагато. Вместе с провинциями Санъиндō образует регион Тjōгоку.
- ¹² Час Зайца — время от 5 до 7 часов утра.
- ¹³ Военский клич. — Перед началом атаки командующий обращался к нападающим с кличем: «Эй-эй!», на что те отвечали кличем готовности: «Оу!».
- ¹⁴ Встречные стрелы — стрелы, которые противостоящие войска выпускали друг в друга перед началом сражения. Наконечники таких стрел были деревянными или роговыми, полыми внутри и во время полета стрел гудели.
- ¹⁵ Дзин — мера длины. В старину равнялась 121 или 115 см.
- ¹⁶ Тjē — мера длины, равная 109,09 м.
- ¹⁷ Более десятка тысяч всадников. — Немного раньше число осаждающих определялось в 75 с лишним тысяч всадников.
- ¹⁸ Владелец десяти видов благих деяний — деяний, совершенных в прежних жизнях — император.
- ¹⁹ Господа из Рокухара — два представителя сёгунского правительства в императорской столице.
- ²⁰ Я припас немного стрел... — В г. Нара (провинция Ямато), древней столице Японии, находились самые знаменитые оружейные мастерские.
- ²¹ Стрела длиной... — Имеется в виду ширина ладони и ширина среднего пальца руки.
- ²² Проверим... стыки моих доспехов. — Железные и кожаные пластины самурайских доспехов накладывались одна на другую наподобие рыбьей чешуи и прошивались нитяными или кожаными шнурами.
- ²³ Сун — мера длины, равная 3,03 см.
- ²⁴ Главное святилище провинции (Бинго) — святилище Сибицу-но мия в уезде Асина совр. префектуры Хиросима.
- ²⁵ Дикари с юга и варвары с запада — сторонники Кусуноки Масасигэ из южной провинции Кавати и сторонники Сакураяма Сирō из западной провинции Бинго.
- ²⁶ Восток — зд.: г. Камакура, где находилось сёгунское правительство.
- ²⁷ Вступивший на Путь владетель Сагами — фактический правитель Японии сиккэн Хōдзjē Такатоки (1303—1333).
- ²⁸ Сакон-тайфу-сjэгэн — третий по старшинству чиновник Ближней дворцовой охраны. Имел 5-й придворный ранг, но занимал должность, соответствующую 6-му рангу. Харутоки принадлежал к роду Хōдзjē.

- ²⁹ Асикага Такаудзи (1305—1358), направленный *сиккэном* Хōдзэ Такатоки против императора Годайго, перешел на сторону последнего. В 1338—1358 гг. был первым *сёгуном* династии Асикага.
- ³⁰ Такаси — населенный пункт в провинции Аити. Расположен на одноименном холме. Футакура — гора в уезде Нукада той же провинции.
- ³¹ Мятеж дома Тайра — зд.: война Гэмпэй (конец XIII в.), в результате которой была свергнута власть дома Тайра и учрежден сёгунат Минамото. Далее в тексте приведены эпизоды сражений этой войны.
- ³² Итинотани — местность в провинции Сэтцу, недалеко от г. Хёго, где Минамото Ёсицунэ (1159—1189) в 1184 г. разгромил войска Тайра.
- ³³ Кумагаэ (Кумагая, Кумагаи) Дзирō Наодзанэ (1141—1208) — первоначально служил у Тайра Томомори (1152—1185), но потом перешел на службу к дому Минамото и в битве при Итинотани при поддержке своего сына Наоизэ и Хираяма Суэсигэ ворвался в лагерь неприятеля, где вступил в схватку с Тайра Ацумори (1169—1184), сбил его с коня и обезглавил. В 1192 г. принял монашеский постриг в храме Куродани (г. Киото) и взял имя Рэнсёбō. Герой многих средневековых пьес в разных жанрах.
- ³⁴ Кадзивара Хэйдзō (Кагэтоки, ?—1200) — самурай из провинции Сагами, вассал будущего сёгуна Минамото Ёритомо (1177—1199). Гэнта — прозвище его сына Кагэсуэ (1162—1200), одного из активных участников битвы при Итинотани.
- ³⁵ Сасаки Сабурō — самурай из войска Минамото, которому его проводник из местных жителей показал место переправы через бухту Фудзито, на западном, противоположном, берегу которой располагался лагерь Тайра. В результате войско Минамото внезапно переправилось через эту бухту и разбило неприятеля.
- ³⁶ Сасаки Сирō Такацуна первым переправился... — Этот эпизод описан в 9-м свитке «Повести о доме Тайра», воинской эпосе, посвященной перипетиям гражданской войны конца XII в.
- ³⁷ Мандалы — в эзотерическом буддизме схематические изображения Вселенной, в данном случае считаются способными помочь воинам родиться после смерти в Чистой земле (буддийском раю). Воины прикрепляли мандалы к своим шлемам или рукавам доспехов.
- ³⁸ Дзэ̄ — мера длины, равная 3,03 м.
- ³⁹ Сяку — 10 дзэ̄ или 30,3 м.
- ⁴⁰ Медвежья лапа — кошка для лазания по вертикальной стенке.
- ⁴¹ Местное божество — божество синтоистского святилища, расположенного на территории буддийского храма. Считается сакральным защитником, покровителем буддийского храма.
- ⁴² Йоджана — древнеиндийская мера длины. По разным версиям, была равна 16,30 или 40 японским *ри* (1 *ри* равен 3,927 км).
- ⁴³ Сумэру — по буддийским представлениям, высокая гора в центре Вселенной, окруженная девятью горами и восемью морями. Вокруг нее вращаются солнце, луна и звезды.

3. О том, как пал государев замок Касаги

Вскоре огонь, раздуваемый неведомо откуда — с востока и с запада, — и дым достигли того места, где пребывал император, и начал подбираться к августейшей особе. Близкие государя, высшие сановники, гости с облаков¹ — все бросились бежать прямо босиком, сами не зная, куда. Первые один или два *тэ̄* эти люди помо-

гали государю, сопровождая его величество спереди и сзади. Однако дождь и ветер были свирепыми, дорога терялась в темноте, а воинственные кличи противников слышались тут и там, поэтому постепенно все разделились, и под конец протянуть государю руку помощи стало некому, кроме двоих — Фудзифуса и Суэфуса. Признательный Сын Неба, совершивший десять благих деяний, свою яшмовую плоть скрыл под видом селянина и побрел, неведомо куда. Было очень страшно за его августейшую особу.

Государь всем сердцем стремился во что бы то ни стало под покровом ночи добраться до замка Акасака, но он не изволил привыкнуть даже недолго передвигаться пешком, поэтому испытывал такое чувство, будто двигается во сне. Сделав один шаг, он отдыхал, сделав два шага, останавливался. Днем изволил укрывать свое августейшее тело в тени покрытых зеленью холмов у обочин дороги; из холодной травы делал себе подушки для сиденья, ночами брел по безлюдной росистой равнине и не мог просушить рукава из тонкого полотна.

Тем не менее три ночи и три дня государь изволил следовать к подножию горы Ариō² в уезде Така провинции Ямасиро. И у Фудзифуса, и у Суэфуса три дня во рту не было ни крошки, ноги у них устали, тело болело, и не было желания бежать, с чем бы они ни встретились. Им поневоле приходилось вместо подушек класть под голову камни из глубокой долины; господин и подданные, старший брат и младший вместе спали тревожным сном. Государь, слушая ветер, который обрушился на верхушки сосен, и шум дождя, изволил стоять в тени дерева, и частые капли падали на рукава августейшего. Глядя на них, государь произнес:

С тех пор,
Как оставили
Гору Касаги,
Под небесами
Нам спрятаться негде.

Фудзифуса, роняя слезы, сказал:

Стоим и стоим
Здесь, под сенью,
Как будто надежной.
А рукава увлажняют
Частые капли с сосны.

Два жителя провинции Ямасиро — вступивший на Путь Мису и чиновник Административного ведомства Мацуи были знатоками этой местности, поэтому они обшарили все без остатка горы и пики и отыскали то место, откуда к ним не таясь вышел император. Государь, чей облик поистине внушал трепет, изволил произнести:

— Вы люди благоразумные, а потому, удостоившись благорасположения Неба, достигнете процветания.

Как и следовало ожидать, сознание вступившего на Путь Мису внезапно переменилось, и он стал думать, как бы ему спрятать государя и поднять верных долгу воинов. Но узнать, что лежит на душе у Мацуи, который следовал сзади, было трудно, и, рассчитав, что разболтать о деле легко, а совершить поступок трудно, он промолчал и ничего ему не сказал. Это очень жаль.

Дело было неожиданным, и, поскольку даже носилок в сетку³ там не было, принесли грубые носилки, занавешенные соломенными циновками, и прежде всего доставили государя в храм Утияма⁴ в Южной столице. Положение его было в точности таким, как в старинных снах, где Тан-ван был заточен в башню в княжестве Ся или где Юэ-ван сдался при Хуэйцзи⁵. Говорят, что среди людей, которые слышали об этом или видели это, не было никого, кто бы не увлажнил рукава слезами.

Среди людей, взятых в это время тут и там живыми, были, прежде всего, его высочество первый принц — глава Ведомства Центральных дел, второй принц — монашествующий принц Сонтё из монастыря Мёхōин, *сōдзё*⁶, Сюнга из Минэ, *сōдзё* Сёдзин из Юго-восточного павильона⁷, старший советник Мадэнокодзи⁸ Нобуфуса, старший советник Кадзанъин Мороката⁹, старший советник Адзэти Кинтоси, средний советник Гэндзи Томоюки¹⁰, камергер двора, средний советник Кинъакира, глава Ведомства дознаний и командир Левого отряда дворцовой охраны Санэё, средний советник Фудзифуса, государственный советник Суэфуса, государственный советник Хэй Нарисукэ, помощник командира Левого отряда дворцовой охраны Тамэакира, Левого отряда средний генерал Юкифуса, Левого отряда младший генерал Тадааки, младший генерал Минамото-но Ёсисада, младший генерал Сидзё-но Такаканэ и Тёсюн-хōин — управитель храма Мёхōин. Из воинов, охранявших северную стену дворца, и из самураев, служивших в домах вельмож, — чиновник 5-го ранга Удзинобу из Левого отряда дворцовой охраны, чиновник пятого ранга Арикиё из Правого отряда дворцовой охраны, воин охраны Цусима-но Сигэсада, чиновник 5-го ранга *сёгэн* Канэаки, *сёгэн* Сакон-но Мунэаки, младший офицер из отряда воинов охраны Ута Нориаки, заместитель главы университета Нагаакира, Асукэ-но Дзирō Сигэнори, помощник главы Ведомства двора Ёсиюки, младший офицер из Левого отряда дворцовой охраны Окавара Гэнсити Арисигэ. Из нарских закононаставников¹¹ — Сюндзō, Кёмицу, Гёкай, Сигараки-но Дзибубō Эндзицу, младший офицер из Левого отряда дворцовой охраны Кинтō Сабурō Мунэмицу, вступивший на Путь Кунимура Сабурō Мунэмицу, вступивший на Путь Кунимура Сабурō Дзёхō, вступивший на Путь воин отряда Левого дворцовой охраны Гэн Дзиган, вступивший на

Путь Оку-но Дзёэн, вступивший на Путь Рокурō Дзёун. Из горной братии¹² Сёгёбō Дзёкай, Сюдзэмбō Дзёун и Дзёдзицубō Дзисан. В общей сложности шестьдесят один человек, а их сородичей и слуг невозможно было сосчитать. За одними из них были вызваны паланкины, другие были посажены верхом на почтовых лошадях и среди бела дня доставлены в столицу. Мужчины и женщины, которые, видимо, имели к ним отношение, рядами стояли вдоль улиц и от жалости плакали, не стесняясь людских глаз. Жаль их было безмерно.

Во второй день десятой луны сёгунский наместник северной части столицы из Рокухара, владетель провинции Суруга Токива Норисада, послав охранять дорогу три с лишним тысячи всадников, переправил государя в Удзи, в храм Бёдōин. В тот же день два полководца из Кантō, не заезжая в столицу, направились сразу в Удзи, предстали перед Ликом дракона¹³ и прежде всего стали просить его передать им Три священных сокровища¹⁴, чтобы они могли преподнести их новому императору из Дзимёин¹⁵.

Его величество изволил передать через Фудзифуса:

— Издревле ведется так, что когда новый государь принимает свой ранг от Неба, его предшественник сам передает ему Три священные сокровища. Хотя и говорят, что есть люди, некоторое время сжимающие в своих дланях Поднебесную, мы не слыхивали о таких случаях, когда кто-то своевольно передавал бы Три сокровища новому императору. Кроме того, священное зеркало оставили в главном павильоне в Касаги, поэтому оно, по-видимому, обратилось в пепел на поле битвы. Священная яшма была подвешена на ветви дерева, когда мы блуждали в горах, поэтому она в конце концов снова сможет защищать нашу страну. Что касается драгоценного меча, то если люди из воинских домов, не боясь кары Неба, приблизятся к яшмовому телу государя, я сам лягу на этот меч и не выпущу его ни на миг.

Так государь изволил молвить, и оба посланца с востока и наместники из Рокухара удалились, не произнеся ни слова.

На следующий день вызвали Повозку дракона¹⁶ с тем, чтобы перенести августейшего в Рокухара, но государь твердо произнес, что без проведения прежних церемоний по высочайшим выездам его возвращение в столицу не состоится. Делать нечего, приготовили носилки с навершием в виде феникса и облачили государя в церемониальное платье. Государь оставался в храме Бёдōин до трех дней, после чего благоволил прибыть в Рокухара.

Императорский выезд отличался от вчерашнего. Повозка феникса была окружена десятками тысяч воинов, а лунные вельможи и гости с облаков ехали в грубых паланкинах, на носилках или верхом на почтовых лошадях. Когда процессия двигалась по Ситидзё на восток, к берегу реки, и была направлена в сторону Рокухара,

люди, видевшие ее, проливали слезы, а те, кто слышал, испытывали скорбь. Как это печально!

Еще вчера государь высоко восседал в северной части дворца Сисиндэн, его окружали сотни чиновников, наряженных в церемониальные платья, а теперь изволит нисходить к грубым восточным варварам¹⁷ из жилищ под камышовыми крышами и заставляет страдать свое августейшее сердце из-за суровости десятков тысяч воинов охраны. Времена меняются, дела уходят в прошлое; радость истощается, приходит печаль. У небожителя есть пять печатей смерти, но у людей они представляются всего лишь пустыми мечтами¹⁸. Неподалеку отсюда находится государева облачная обитель, и в это время государю вспоминалось многое. Одно время государю слышались беглые звуки дождя, преграждавшего свет луны на стрехах, и тогда он сочинил:

В деревне
Я слушаю звуки дождя.
Здесь в кровлю из дранки
Он так непривычно стучит.
А рукав мой уже намокает...

Дня через четыре или пять от императрицы прислали лютню-бива и письмо:

Представьте себе —
Одна только пыль покрывает
Четыре струны.
Не в силах я вытереть пыль,
Как и слезы свои.

Государь сразу же послал ответ:

Из-за слез
Полумесяц¹⁹
Подернулся дымкой.
Только мне не забыть
Проведенных с тобою ночей.

В восьмой день той же луны оба инспектора — Такахаси Гёбу Саэмон и Касуя Сабурё Мунэаки прибыли в Рокухара; все пленники по одному были переданы наместникам сёгуна. Первого принца, главу Ведомства центральных дел, передали судье Сасаки Токинобу, второго принца из храма Мёхёин — судье из Ведомства ближней охраны, чиновнику 5-го ранга Нагай Сакон Такахиро, среднего советника Гэн Токиюки — Садамото, прежнему губернатору провинции Тикудзэн, сōдзё из Юго-западного павильона — Токимото, прежнему губернатору провинции Хитати, среднего советника Мадэнокодзи Фудзифуса и младшего генерала Рокудзё

Тадааки поместили под стражу в Рокухара как правонарушителей, сказав, что они могут выполнять обязанности ближних слуг государя.

В девятый день той же луны государь передал Три священные регалии новому императору из храма Дзимёин. Получив их, старший советник Хорикава Томотика и средний советник Хино-но Сукэна отправились в зал Тёгōдō. В почётный эскорт были назначены цензор, чиновник Административного ведомства Нагаи, воин охраны, чиновник Административного ведомства Мидзутани, чиновник 5-го ранга из Народного ведомства Тадзима и судья из провинции Оки Сасаки Киётака. В тринадцатый день той же луны новый император изволил из Тёкōдō прибыть во дворец, чтобы занять престол. Вельможи его свиты шествовали в процессии словно цветы, воины сопровождения, облаченные в шлемы и доспехи, предупреждали всякого рода происшествия.

Судя по их внешнему виду, вельможи из свиты прежнего императора²⁰, виновные и невинные, переживали всяческие невзгоды, по любому случаю опасались за себя и беспокоились. Люди, прислуживавшие новому императору, как преданные ему, так и нет, считая, что теперь-то и начинается их процветание, радовали себе взоры и услаждали слух.

Семя проросло и стало отбрасывать тень, цветы осыпались и падали с веток. Процветание и успех, слава и позор разделились между собой. Мир страданий начался не теперь, но именно в это время сновидения стали особенно неразделимы с явью.

Примечания

¹ Гости с облаков — придворные аристократы.

² Ариō — гора на правом берегу реки Кидзугава, к востоку от дороги из Нара в Киото.

³ Носилки в сетку — крытые носилки с боковыми стенками, плетеными из тонкого бамбука, тростника или кипарисовника японского. Использовались для переноски принцев и высших сановников.

⁴ Утияма — буддийский храм в г. Тэнри провинции Нара.

⁵ Ссылка на эпизоды из древней истории Китая. Тан-ван попал в плен и был заточен правителем династии Ся в XVIII в. до н. э., а второй эпизод относится к концу V в. до н. э. и описан в 4-м свитке настоящего памятника.

⁶ Сōдзэ — высший сан в буддийской иерархии. Соответствовал чину старшего советника 2-го ранга в придворной чиновничьей структуре.

⁷ Юго-восточный павильон — павильон Тōнан-ин монастыря Тōдайзи в Нара.

⁸ Мадэнокōдзи — одна из ветвей рода Фудзивара.

⁹ Кадзанъин Мороката — Фудзивара Мороката (1301—1332), сын внутреннего министра Моронобу; занимал крупные административные посты при дворах императоров Ханадзоно и Годайго.

¹⁰ Гэндзи Томоюки — Минамото-но Томоюки (1290—1332), принадлежал к ветви Китабатакэ. Приверженец императора Годайго.

- ¹¹ Нарские закононаставники — монахи-воины из Тōдайдзи, Кōфукудзи и других нарских храмов.
- ¹² Горная братия — монахи-воины из монастыря Энрякудзи на горе Хиэйдзан.
- ¹³ Лик дракона — особа императора.
- ¹⁴ Три священных сокровища — меч, яшма и зеркало, символы императорской власти, передаваемые, по преданию, из поколения в поколение японскими монархами от самой богини Солнца Аматэрасу Омиками, прародительницы императорского дома.
- ¹⁵ Дзимёин — буддийский храм в Киото; новый император Дзимёин — первый император Северной династии Кōгон (1313—1364; на престоле в 1331—1333), после своего отречения принявший монашеский постриг.
- ¹⁶ Повозка дракона — императорский экипаж; то же означает и упоминаемая ниже Повозка феникса.
- ¹⁷ Грубые восточные варвары — пренебрежительное обозначение самураев.
- ¹⁸ У небожителя... — парафраз из стихотворной антологии «Вакан рōэйсю» (1013 г.).
- ¹⁹ Полумесяц — иносказательно: *бива*.
- ²⁰ Прежний император — император Годайго.

4. О битве при замке Акасака

Замок Касаги пал еще до того, как могучее войско, направлявшееся в столицу из далеких восточных провинций, вошло в провинцию Ōми, поэтому из чувства досады ни один человек из этого войска в Киото не въехал. Некоторые из них пересекли горы Ига и Исэ, другие пересекли дорогу на Удзи и Дайго¹ и направились к замку Акасака, где заперся воин охраны Кусуноки Масасигэ². Проследовав через долину реки Исикава, они увидели общий вид этого замка. Все там казалось сделанным наспех, неглубокими были вырыты рвы, с четырех сторон была сооружена лишь оштукатуренная ограда в один ряд не более одного-двух *тё* и с двадцатью или тридцатью башнями внутри нее.

Всякий, кто увидел это, подумал: «Что за жалкий вид у нашего противника! Если бы надо было взять этот замок в руку и швырнуть его, мы могли бы и швырнуть. Пусть Кусуноки ко всеобщему удивлению продержится хотя бы один день, тогда мы захватим его, прославим свои имена и добьемся наград».

Не было человека, который бы так не думал. С такими мыслями нападающие, силой в тридцать тысяч всадников, в едином порыве спешили, спрыгнули в ров и, встав под башнями рядами, стали спорить, кто из них раньше ворвется внутрь.

Масасигэ с самого начала управлял из своей ставки согласно плану, решив «одержать победу с расстояния в тысячу *ри*». Он был человеком мудрым, вроде Чжэнь Пина и Чжан Ляна³, поэтому закрыл в замке больше двухсот выдающихся лучников, а своему млад-

шему брату Ситирō и Вада Горō Масатō предоставил триста с лишним всадников и разместил их вне замка, в горах. Нападающие об этом и не подозревали. Они мыслили однобоко: собираясь простым штурмом взять замок, все собрались на дне крутого рва, окружавшего замок со всех четырех сторон. Но лучники в тени бойниц натянули тугие тетивы и пустили стрелы с острыми наконечниками. В один миг замертво упали больше тысячи нападавших. Воины из восточных провинций не ожидали этого.

— Ну, нет! Судя по виду этого замка, он не падет за один или два дня. Немного подождем, и, установив места скопления противника и его службы управления, разделимся на группы и начнем сражение.

С такими словами они немного отступили, расседлали коней, сняли с себя доспехи и расположились на отдых в боевых порядках.

Кусуноки Ситирō и Вада Горō спустились с отдаленных гор и, решив, что подходящее время пришло, разделили своих триста с лишним всадников на два отряда. Они тихо пустили коней из-под укрытия деревьев на восточных и западных горах и с двумя развевающимися на ветру среди сосен знаменами с цветками хризантем на воде⁴ двинулись вперед, окутанные туманом.

Увидев их, воины из восточных провинций засомневались, противники это или свои, а триста с лишним всадников улучили момент и с двух сторон клиньями⁵ врезались в войско из трехсот тысяч всадников, стелющихся подобно тучам и туману. Они рвались на восток, на запад, на юг и на север, кружились, разрезая осаждавших на четыре стороны и восемь частей. Силы осаждавших, потрясенные, были не в силах организовать.

Трое ворот замка, вдруг одновременно распахнулись, и более двухсот всадников с луками наготове вырвались из них, изо всех сил пуская стрелы. Силы осаждающих были очень велики, но, оторопевшие от шума, поднятого немногочисленными врагами, некоторые вскакивали на привязанных коней и понукали их, прищипывая и стегая плетками, другие пытались отстреливаться из луков, не натянув как следует тетиву, но выстрелить не могли. За одни и те же доспехи хватались по два-три человека и тянули их каждый к себе: «Это мое, это чужое!» — а в это время подданный не знал, что убит его господин, сын не знал, что убит его отец, и все, словно падающие пауки, отступали к долине реки Исикава. На протяжении пятидесяти *тё* их пути некуда было поставить ногу из-за брошенных коней и доспехов. Похоже, что жителям уезда Тōдзё неожиданно привалило богатство!

Даже воины из восточных провинций, из-за того, что они, против ожидания, понесли потери и первое сражение проиграли, стали думать, что презирать стратегию Кусуноки нельзя. Несмотря на то, что их силы нагрянули сюда из окрестностей Ханда и Нарабара⁶,

сразу же атаковать они не стали. Немного подождав здесь, осаждавшие посоветовались и решили, что нужно впереди своего войска поставить проводников из Кинай⁷, вырубить в горах деревья, чтобы не подвергаться нападению с тыла, до основания сжечь все дома и со спокойным сердцем идти приступом на замок. А поскольку среди воинов из Хомма и Сибуя⁸ много было убито отцов и пало сыновей, оставшиеся с горячностью заявили:

— Для чего нам сохранять жизнь?! У нас не осталось ничего, кроме решимости, но мы все же поскачем навстречу врагу и умрем в бою.

И все, воодушевленные этими словами, поскакали вперед с возгласами: «Я тоже! Я тоже!»

У того замка Акасака с восточной стороны высились к горам, одна над другой, террасы рисовых полей, и это представляло некоторую трудность для атаки, а с остальных трех сторон тянулись равнины и был один ров и одна оштукатуренная стена, поэтому нападающие подумали презрительно: «Какие бы чудища там ни заперлись, что они смогут с нами поделаться?!»

Снова дружно приблизившись, они бросились вперед, до противоположной крутой стенки рва, порубили заградительный колючий кустарник и уже готовы были проникнуть внутрь, но в замке не раздавалось ни звука.

Это чем-то напоминало вчерашний день. Осажденные считали, что многие из нападавших будут ранены, и туда, где от стрельбы возникнет замешательство, они направят резервные силы, чтобы те ввязались в драку.

Нападающие отделили от основных сил более ста тысяч всадников и направили их на горы в тылу. Остальные двести тысяч всадников плотно окружили замок, подобно стеблям риса, конопле, бамбуку и тростнику. Тем временем из замка не выпустили ни одной стрелы, и там по-прежнему не было видно ни одного человека, поэтому нападающие мало-помалу воспряли духом, окружили стены с четырех сторон и приготовились все разом взобраться на них.

Стены с самого начала были построены двойными. Чтобы обрушить наружные стены, с четырех сторон изнутри разом обрубали канаты, которые поддерживали их, а более тысячи нападавших, карабкавшихся по стенам, были придавлены так, что у них двигались одни только глаза. Из замка на них сбрасывали большие бревна и крупные камни, отчего и в этот день нападавшие потеряли в сражении более семисот человек.

В войсках из восточных провинций, за два дня получивших горький урок в сражениях, теперь не осталось ни одного желающего атаковать замок. Основав поблизости укрепленные лагеря, они лишь обстреливали замок издалека. Так прошло четыре или пять дней. Нападающие пытались вовлечь противников в бой, но безуспешно.

Им было жаль, что люди до скончания века будут смеяться: какая нелепость — в замке менее четырех квадратных *тё* затворились человек четыреста-пятьсот, а войска восьми восточных провинций не могут взять его приступом и обстреливают издалека.

— Прежде, — говорили они, — мы атаковали, полагаясь только на свою отвагу, даже не поднимая щиты и не приводя в готовность орудия атаки, поэтому зря потеряли людей.

На этот раз способ нападения изменили: каждому было велено привести в порядок свой щит, воины обтянули поверхность щитов клеенной кожей, так, чтобы пробить щит было нелегко, украсили свои шлемы и пошли на приступ. Нападавшие думали, что очень легко с ходу преодолеют стену, потому что насыпи не так высоки, а ров не очень глубок. Они сомневались, что и эту стену обрушат при помощи веревок, однако напролом на нее не полезли ни слева, ни справа. Все спустились в ров и мокли там. Зацепившись за стену «медвежьими лапами», они уже видели, что стена вот-вот рухнет, когда осажденные в замке ковшами с рукоятками длиной в один-два *дзё* стали зачерпывать крутой кипяток и принялись ошпаривать тела нападавших этим кипятком, проникавшим через отверстия в макушках шлемов и через щели в наплечниках. Не в силах терпеть, нападавшие в беспорядке побросали щиты и «медвежьи лапы». Смотреть на это было невыносимо. Хотя на поле боя мертвых не было, но у одних были ошпарены руки и ноги, и они не могли даже стоять, другие лежали, страдая от боли во всех частях тела, — и всего таких насчитывалось до двухсот-трехсот человек.

На какие бы новые уловки нападающие ни пускались, в обороне применялись все новые приемы. Тогда нападающие вынесли решение: теперь делать ничего не надо, а надо морить врагов голодом. И после этого, сражение прекратив, в воинских станах у себя они соорудили башни и, укрывшись за бревнами, стали вести обстрел издалека. Воины в замке, напротив, устали без развлечений.

Кусуноки строил этот замок в спешке, поэтому продовольствию для воинов не было уделено достаточно внимания. От начала сражения и после того, как замок был окружен, прошло чуть больше двадцати дней, но запасов продовольствия в замке теперь оставалось дня на четыре-на пять.

По этому случаю Масасигэ сказал, обращаясь к воинам:

— Хотя за это время в нескольких сражениях мы одержали победу и перебили насмерть неисчислимое количество врагов, но из-за множества врагов твердо назвать общее их число нельзя. А провизия в замке уже закончилась, и нет бойцов, которые помогли бы нам. Я с самого начала стою впереди всех воинов Поднебесной и не пожалею своей жизни, отстаивая верность государю. Однако отважный человек, приступая к делу, проявляет осмотрительность и придерживается плана⁹. Поэтому я на некоторое время покину этот

замок, а враги будут считать, что Масасигэ покончил с собой, но им не опознать его тело. Если воины из восточных провинций будут уверены, что Масасигэ покончил с собой, они возрадуются и должны будут уйти к себе. Когда же враги уйдут, Масасигэ опять начнет сражаться, а как только они снова придут сюда, Масасигэ уйдет в горы. Повторив это раза четыре или пять, я измотаю войска из восточных провинций. Разве они не устанут?!

— Так тому и быть, — согласились все.

— Ну, тогда так... — сказал Масасигэ и выкопал в замке большую яму размером в два дзё, сложил в эту яму человек двадцать-тридцать из множества тех убитых накануне, что лежали во рву, навалил на них угли и хворост и стал ожидать ночи, когда подует ветер и польет дождь. Видимо, в согласии с судьбой Масасигэ и волей Неба, ветер внезапно поднял песок, а бамбуковый хворост как будто насквозь пронизало дождем. Ночь была черным-черна, и в лагере все опустили занавеси. Как раз такую ночь и ожидал Масасигэ. Он оставил внутри замка только одного человека, наказав ему:

— Когда ты решишь, что мы удалились от замка на четыре-пять тё, запали в замке огонь.

Все освободились от снаряжения и, разделившись на группы по пять и по три человека, смешались с нападавшими и прошли перед штабом противника и там, где спокойно спали войска. Когда Масасигэ проходил пред конюшнями Нагасаки, один из противников увидел его и недовольно спросил:

— Кто это такой, не называя себя, крадется перед штабом?!

— Это человек из окружения полководца. Перепутал дорогу, — ответил Масасигэ и быстро проследовал мимо.

Тот, недовольный, подбежал близко к Масасигэ и выстрелил прямо в него со словами:

— Подозрительный тип. Думаю, что это не иначе, как конокрад. Застрелить его!

Стрела коснулась локтя Масасигэ и отлетела. Казалось, что стрела с силой вонзится, но она не задела даже кожу воина, а повернулась и отлетела прочь. Потом, когда осмотрели след, оставленный этой стрелой, выяснилось, что она угодила в амулет — сутру о богине Каннон¹⁰, в которую Масасигэ верил и которую читал много лет, и своим наконечником попала на две строфы гатх и¹¹ с восхвалением всем сердцем имен будд и бодхисаттв. Как это удивительно!

Спасшись от неминуемой смерти, Масасигэ бежал двенадцать с лишним тё, а когда оглянулся назад, — как и было обещано, штаб в замке уже подождгли. Наступающие войска, изумившись, издали победный клич:

— Ого! Замок пал! Никого не выпускать! — волновались они.

Когда осмотрели внутреннюю часть замка после того, как пламя погасло, в огромной яме, заполненной углями, обнаружилось много сгоревших трупов. Все, кто увидел это, говорили:

— Какая жалость! Масасигэ покончил с собой. Хоть и был он врагом, но это — прекрасная смерть с луком и стрелами в руках.

Не было ни одного человека, который бы не хвалил его.

Примечания

¹ Удзи — город в префектуре Киото; Дайго — местность в столичном районе Фусими.

² Кусуноки Масасигэ — см. гл. 1.

³ Чжэнь Пин (?—178 г. до н. э.) и Чан Лян (?—168 г. до н. э.) — подданные ханьского императора Гао-цзуна, умевшие, по его отзыву, побеждать, «планируя сражение на расстоянии в тысячу ли».

⁴ Цветок хризантемы на воде — герб рода Кусуноки.

⁵ Клиньяи — букв.: «в форме рыбьей чешуи».

⁶ Хандаи Нарабара — названия местностей поблизости от Акасака.

⁷ Кинай — пять ближних к столице провинций.

⁸ Хомма и Сибуя — названия местностей в провинции Сагами.

⁹ Отважный человек... — Парафраз из «Бесед и суждений» Конфуция (глава «Шу эр»).

¹⁰ Каннон (санскр. Авалокитешвара) — имя бодхисаттвы, буддийской богини милосердия.

¹¹ Гатха — славословие добродетелям Будды.

5. О самоубийстве Сакураяма

Тем временем вступивший на Путь Сакураяма Сирō, заняв только половину провинции Бинго, считал, что он пересечет Биттjō и сможет усмирить провинцию Аки. Когда же пронесся слух, что и замок Касаги пал, и Кусуноки покончил с собой, все войска, следовавшие за ним, разбежались. Теперь с ним остались сородичи, неразрывно между собой связанные, и двадцать с лишним молодых вассалов, которые издавна служили ему.

В последние годы вне власти, захваченной в старину воинскими домами, не осталось и малой толики земли во всех Девяти провинциях среди Четырех морей¹, поэтому их не могли спрятать у себя даже близкие люди, а малознакомых тем более нельзя было об этом просить. Чем попадать в руки чужих людей, которые выставят напоказ его труп, Сакураяма направился в главное святилище своей провинции, предал смерти любимого сына, которому исполнилось восемь лет, и свою верную жену двадцати семи лет. Потом развел на алтаре святилища огонь, сам себе взрезал живот, а двадцать три его сородича и молодых вассала — все превратились в пепел.

Итак, если спросить, почему Сакураяма из множества мест именно этот алтарь избрал, чтобы на его огне сжечь свое тело, выяснится, что этот вступивший на Путь долгие годы преклонял голову в этом святилище и скорбел о том, что передняя его часть слишком повреждена. Сакураяма дал обет восстановить ее, а поскольку это была большая работа, у него было просто желание и не было сил. И к теперешнему заговору он присоединился исключительно для того, чтобы выполнить этот обет.

Однако не встретились ли здесь боги с непочтительностью? Обет выполнен не был, а человек захотел умереть. Но он при этом думал: «Если мы сожжем это святилище, то и придворным вельможам, и воинским домам ничего другого не останется, как распорядиться каким-то образом восстановить его. Пусть сам я упаду на дно преисподней, я не буду страдать, если обет исполнится. Поэтому я с отважным сердцем сжигаю себя на алтаре святилища. Все глубже проникая мыслью в милосердие будд и бодхисаттв, явленных в этом мире в других ипостасях, понимаешь, что хорошее и дурное связаны и равно являются средствами спасения, поэтому, совершив грехи в этой жизни, я встречу благо в грядущей. Думаю, что это желание не мелкое».

Примечания

¹ Девять провинций среди Четырех морей — вся Япония.

*Перевод с японского и
примечания* **В. Н. Горегляда**